

Истории
из обычной
необычной
жизни

Вы. Мы. Они.

Адвокат Александр Андреевич
Добровинский

Подарочные издания. Психология

Александр Добровинский

**Вы. Мы. Они. Истории из
обычной необычной жизни**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Добровинский А. А.

Вы. Мы. Они. Истории из обычной необычной жизни /
А. А. Добровинский — «Эксмо», 2021 — (Подарочные издания.
Психология)

ISBN 978-5-04-116353-2

Александр Андреевич Добровинский, известный писатель, коллекционер, гольфист, радиоведущий, лектор, публицист, актер кино, муж, отец, путешественник, гурман и модник, точно не заставит вас скучать! В сборнике рассказов Добровинский с присущим ему беспощадным чувством юмора рассказывает о своих юношеских годах и взрослении, о профессии адвоката и выборе дела, о богатстве и деньгах, о путешествиях и жизни за границей, о семье и друзьях. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116353-2

© Добровинский А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Плодово-выгодное	6
Поймать на мормышку	10
Поселок старых большевиков	15
Посмотри на эти звезды	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Добровинский

Вы. Мы. Они: истории из обычной необычной жизни

© Добровинский А.А., текст, 2021

© Антон Фатьянов, фото, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 202

Плодово-выгодное

– Александр Андреевич, мы без вас не справимся. – Адвокат Узалов заговорил нервным шепотом. – Мы с Мией в растерянности.

Иманали Узалов, для меня просто Али, и его помощница были настоящими бриллиантами адвокатуры Дагестана. Спокойные в этой нервной профессии, с аналитическим складом ума и мгновенной реакцией, самоироничные специалисты много лет назад были переманены мной из Махачкалы. И чтобы они (!) с чем-то не справились? Такого еще не было...

По дороге в переговорную коллега продолжал бормотать нечто не очень понятное:

– Шеф, моего черножопого ума не хватает, чтобы оценить предложение. Может, в этом что-то есть, а может, это бред сумасшедшего. Только вам решать...

В переговорной находились две женщины: любимица всей коллегии Мия с пылающими отчего-то щеками и незнакомая брюнетка лет тридцати. Девушки при моем появлении встали. Кажется, что даже от картин в переговорной исходило напряжение.

– Что привело вас в этот скромный дом? – начал я беседу после того, как нас представили.

– Я бы в скромный дом не пришла, – твердым голосом объявила Лена. – У вас тут настоящий музей, хотя я пришла не за красотами. Уверена, что вы слышали о банке моего гражданского мужа, но пока я не хочу давать точных деталей, если позволите.

Я согласно кивнул. «Оно мне надо – знать банк ее мужа? Оно мне сто лет не надо», – как сказали бы в Одессе.

– Мы прожили вместе четыре года. Была сумасшедшая любовь, но расписаться все как-то было некогда. Наконец пару месяцев назад его посадили.

«Какой неожиданный оборот гражданского брака, однако!» – подумал я и опять кивнул: в нашей стране это бывает. Видно, у парня не было денег ни на отъезд, ни на работу со следствием...

– Вот уже несколько месяцев мой дорогой находится в «Матросской Тишине». И он, конечно, будет осужден. Получит по полной...

– Вы хотите, чтобы мы его защищали?

– Я?! Да никогда в жизни! Он же самый умный, нанял идиотов и считает, что если они делают то, что он им говорит, то все будет хорошо. Нет, нет... Какой срок он получит – уже не имеет значения. Результат будет один и тот же...

– В смысле?

– В смысле – его на зоне убьют. Сто процентов. Там, в банке, столько денег пропало, да еще и у таких людей, что его точно убьют. А швейцарские банкиры никогда не выдадут деньги, пока он в заключении. Это обязательное условие.

– Понимаю, понимаю. Такой параграф часто встречается в договорах. Банки хотят быть уверены, что клиент перевел деньги по собственной воле. Но все это в том случае, если у вас нет доверенности. У вас она есть?

– Нет. Он у меня очень скрытный и сложный «пассажир». Даром что сирота. Если позволите, я продолжу. Так вот, собственно, что мне нужно... как вам объяснить? Прежде всего я не могу попасть к нему на свидание в тюрьму. Нет печати в паспорте. С точки зрения следователя (а это он дает разрешения на свидание), мы никто друг другу. И потом, даже если бы дали свидание – это еще не факт, что... Только отнесите, пожалуйста, серьезно. Для меня это очень, очень важный вопрос. Мне нужно забеременеть! Причем от него и ни от кого другого!

Мия и Али, сидящие по бокам, переглянулись и внимательно уставились на меня. Видно было, что эту историю они слушают второй раз за последние полчаса. И второй раз от нее обалдевают.

– Кажется, я начинаю понимать ход ваших мыслей. Поправьте меня, если я не прав. Ваш «гражданско-уголовный» муж по каким-то причинам не хочет вступать с вами в официальный брак. Вы нашли документы, номер счета, банк и точно знаете, сколько он спи****, простите, в смысле – сколько там средств. Однако денег вам не увидеть никогда, а если ваш ненаглядный двинет кони по тем или иным причинам, банк вам ничего не даст. Ни завещания, ни права на наследство. Полный пролет, как фанера над Женевой или над Цюрихом, смотря где банк. А ребенок – прямой наследник. Генетическая экспертиза это подтвердит. И тогда вы будете распоряжаться детскими деньгами до его или ее совершеннолетия. Прав?

– Да. – Девушка смотрела на меня прямо, не моргая. Как покойник в морге.

– Можно узнать, за что мы боремся? Сколько на счету?

– Можно. Двести миллионов долларов.

С двух сторон от меня нервно сглотнули дагестанскую слюну.

– Мне нужно, чтобы вы объяснили ему, что я его люблю и хочу от него ребенка. Скажите ему, что я... Ну, в общем, что вас учить. Только о счете в швейцарском банке ни слова. Я знаю, вы сможете его уговорить.

– А «доить» биологический материал будет начальник тюрьмы? И как вы будете уверены, что авторство «надоя» не принадлежит какому-нибудь Заде Урдубердыеву, которого взяли за «зад» с наркотиками?

– Я думала об этом.

– Это хорошо. Потом расскажете. А вынести эту штуку как? Там же обыскивают. Или вы хотите, чтобы Мия взяла пару уроков у Анжелы Ермаковой? Помните историю с теннисистом Борисом Беккером? Когда наша девушка самооплодотворилась после орального...

– Александр Андреевич! – запротестовала коллега, первый раз за десять лет перебив меня при клиенте.

– Протест принят, – успокоил я Мию. – Ей еще замуж выходить. Кто ее возьмет в Махачкале с полным ртом? Может, адвокат Узалов заменит Мию?

– Деньги, конечно, хорошие, – протяжно отозвался Али. – Но боюсь, не справлюсь. Лучше какую-нибудь коллегу привлечь. У нас есть способные люди, Александр Андреевич?

– Видите? Даже лучший адвокат коллегии не берется за... за ваше дело.

– Я думала, вы сможете получить разрешение на посещение будущего отца врачом. У меня есть один, и я ему абсолютно доверяю. Что же касается коллеги, которую вы можете найти, господин Узалов, то в лучшем случае для меня она сама отсосет за такие деньги, а в худшем – просто забеременеет. Я что, не знаю женскую натуру? Ничего личного, извините...

Мы взяли паузу на обдумывание, и будущая регентша удалилась.

– Сто процентов – она его сама грохнет, если забеременеет, – со знанием женского дела сообщила нам Мия, когда клиентка ушла.

Остаток дагестанской диаспоры нашей коллегии с выводами Мии согласился.

«Умер-шмумер, лишь бы был здоров!» – говорили когда-то в Одессе. И мы решили все-таки сходить в тюрьму к будущему покойнику втроем.

...Перед нами сидел худощавый молодой человек с ироничным взглядом. В комнате для встреч следователей и адвокатов уют отсутствовал. Между нами находился стол, привинченный к полу. На середину стола мы поставили пластиковую банку с красной крышкой. Молчание в комнате после объяснения причин прихода новых адвокатов висело уже довольно долго. Банкир смотрел то на нас троих, то на контейнер... и ничего не говорил.

Первой не выдержала Мия.

– Владимир Николаевич, вы будете дрожить или что?

– Не получится без художественных фильмов или хотя бы картинок, – ответил донор.

– У меня с собой «Литературная газета», – заметил я. – Но там только портрет Крупской. А, вот на второй странице еще Валентина Ивановна Матвиенко на трибуне. Подойдет что-нибудь?

Бывший банкир отрицательно покачал головой.

– Не понимаю, зачем это делать, когда я могу скоро выйти. Мне обещали...

Зная из первоисточника обстоятельства дела, Мия, Али и я тактично задумались. В конце концов, мы же не его адвокаты.

Узалов решил зайти к «жениху» с другой стороны. В хорошем смысле слова.

– Представляете, вы выходите через несколько лет, и вас встречает ваша суженая с уже готовым ребенком. Кормление, бессонные ночи, режущиеся зубки – все позади...

«...Детский сад, школа, институт тоже...» – улыбнулся я про себя.

– А вдруг это будет не мой ребенок?

– Ваш, ваш! Сто процентов! – закричали мы хором.

Владимир Николаевич удивленно посмотрел на нас. Действительно, со стороны складывалось такое впечатление, что через полчаса после получения биоматериала мы лично, еврейско-дагестанским трио, будем производить подсадку в переговорной коллегии адвокатов «Александр Добровинский и партнеры» на большом гранитном столе.

– Не знаю, не знаю... Вы меня не возбуждаете. Извините.

По нашим лицам нельзя было сказать, что кто-то из нас обиделся.

Я предложил попробовать сделать искомое начинание и «кончание» более естественным путем, например на домашнем аресте. Мне это показалось логичнее.

Проговорив еще минут сорок, мы ушли с пустой банкой, но с активной позицией Владимира, желавшего переехать из «Матросской Тишины» на Пречистенскую улицу.

Нам понадобилось чуть больше месяца, чтобы поменять клиенту швейцарского банка меру пресечения. Это было сложно и дорого... но чего не сделаешь ради демографии в родном отечестве!

За пару дней до последнего «Прости» обжитым нарам у меня состоялся сложный разговор с будущей мамой.

– Если что, вы же сможете его обратно упечь?

– Послушайте, мы же договаривались, что я вам устрою только возможность совкупиться с живой или дохлой пробиркой. На этом мои обязанности заканчиваются.

– А если он не сядет и не женится?

– Тогда вам надо забеременеть во время оглашения приговора. Прямо в зале суда.

– Как это?

– Да шучу я, господа! За две-три недели будет достаточно. А там решите сами. Но знайте: я противник аборт. А теперь извините, но наша миссия закончена.

Девушка пыталась что-то еще мне сказать, но я поспешно удалился. В этой истории адвокат Добровинский не возбуждал Владимира Николаевича, а они оба – меня.

Довольно быстро я потерял всякий интерес к этому делу. Али и Мия иногда интересовались происходящим у общих знакомых. Следствие, а затем и сам процесс шли довольно долго. И даже был какой-то приговор. Наверное... Я уверен.

Но однажды около «Кофемании» на Никитской меня окликнул забытый голос:

– Александр Андреевич! Как вы? А я слежу за вами только через Tatler. Часто вас вспоминаю. Недавно читала ваш рассказ про то, как жена отравила мужа, когда он собрался ее бросить и оставить без денег. Очень смеялась. Все вспоминала наши разговоры.

– А что с вашей затеей?

– Ой, вы знаете, ужасно. Этот идиот погасил, как это называется... ущерб, полностью. Понимаете? Полностью! И получил шесть лет условно. В швейцарском банке остались две жалкие копейки. Теперь от всех дел у нас маленький рестораник в Бибирево. Правда, ребенок

родился таааакой классный, просто на радость нам всем. А, вы не поверите, я вообще-то к вам собиралась. Недавно нашла еще документы: оказывается, когда он был богатым, то застраховал свою жизнь на пять миллионов долларов. Это, конечно, не двести, но ведь можно подумать, что с этим делать? Я зайду на днях?

В это время подъехала моя машина и благополучно перекрыла движение общему потоку.

Я, извинившись, юркнул в открытую дверь, на ходу крикнув: «Может, все-таки к Горенштейну? Хороший адвокат, специализируется на water cases», и со вздохом облегчения плюхнулся на сиденье.

Все-таки мокруха («water cases» – авторский перевод) – явно не мое. Вот если кому надо забеременеть – это, пожалуйста, это ко мне...

Поймать на мормышку

– Александр! Спроси у этого мудака, он ловит на мормышку?

Кому надлежало задать этот тонкий вопрос, я знал точно. А вот как перевести «мормышка» на любой другой известный мне язык – ставило меня в тупик.

Я – это двадцатилетний парень с веселыми глазами и хорошим французским. Любопытствующий господин, которого волнует судьба некой «мормышки», – приемщик огромного заказа, размещенного Советским Союзом во Франции под названием «ГАЗОДЮК», а один из собеседников – хозяин крупнейшего французского конгломерата, семейного предприятия, целой империи, куда входят банки, сталелитейные заводы, шахты и еще всякая муть, о которой я и не догадывался в ту пору.

За три дня до этого мне позвонила моя приятельница переводчица Зинка и сообщила шепотом, что заболела. Я слегка обомлел от страха, так как до этого дня не болел ни разу, и на всякий случай сказал, что у меня пока все в порядке. Зина-переводчица шепнула в ответ, что я клинический идиот, так как она простудилась и потеряла голос, а то, что было два месяца назад, надо забыть. И вообще она любит своего мужа, чудного человека, бухгалтера по национальности и француза по профессии, хоть он и старше ее в два раза, а я, скотина, с тех пор не позвонил ни разу. Но дело не в этом.

У нее была договоренность с французской компанией на большой переводческий подряд с советскими инженерами-приемщиками. Первый спец уже уехал, а сейчас в Париже находился главный технарь. Французы сказали, что его надо ублажать, холить и лелеять, так как от него зависят несколько сотен миллионов франков капиталистической наживы. И если он подпишет всю приемку, французы осчастливятся так, что всем будет потрясающий «о-ля-ля» в виде серьезного бонуса.

Короче, могу ли я ее заменить, при этом заработать кучу денег и ее благодарность после выздоровления, несмотря на то, что я сволочь и скотина. Кое-какие аргументы в этом предложении были весьма убедительны, и я согласился.

Советский инженер Петр Засуля оказался симпатичным голубоглазым парнем 35–40 лет в сером костюме фабрики «Красная швея» и зеленом свитере, который, очевидно, до Финской войны связала крючком его бабушка своему папе. Узел галстука развязке не подлежал, и поэтому за годы пота приобрел траурный оттенок. Какого цвета на самом деле был галстук, сказать трудно. Но ка-а-а-ак Петр разбирался в технике! Французы ахали и дрожали, боясь, что Засуля в конце концов сделает им «козулю», а не приемку их дорожущего оборудования...

В конце второго дня изучения чертежей и каких-то огромных железяк в трехстах километрах от Парижа, меня пригласили в святая святых – кабинет хозяина.

Холеный маркиз (со сложной фамилией типа Мудэ де ля Ло), в летах, с орденской ленточкой в петличке элегантного костюма, начал с ходу коррумтировать переводчика, то есть меня. Однако бывший министр де Голля явно просчитался со своими тонкими ходами. Не тут-то было, так сказать, не на того напал. Вопрос цены был ни при чем. Вышла неувязочка...

Дело в том, что несмотря на свой юный возраст, надо отдать мне должное, по принципиальным соображениям коррумтироваться я готов был сразу и без этих французских выкрутасов. В мою задачу входило уговорить Петю все подписать, рассчитаться с ним и уже потом наслаждаться собственными спелыми плодами сочного подкупа. Маркизет был непохож на трепло...

В ответ на мое предложение поставить свою подпись везде где только можно, Петр посмотрел на меня внимательно, отхлебнул пива «Кроненбург» и сказал:

– Будет дорого стоить...

– До фонаря, – ответил я. – Как в том анекдоте: грузин передаст билет. Так вот, представь, что я – «передаст». Ты мне говоришь – я передаю маркизке.

– Мне нужен магнитофон «Akai», японской сборки, с большими бобинами, стоячий, коричневого цвета. Понятно? Иначе хрена лысого с завитушками! – сказал он и победоносно откинулся на плетеную спинку стула местного кафе, с видом, ясно говорящим окружающим: «Нас просто так не возьмешь...»

– Вы далеко пойдете, молодой человек, – подняв тонкую удивленную бровь, заметил мне президент корпорации через полчаса. – Ваш бонус резко увеличивается. Сегодня же приступим к подписанию, а то все наши банковские кредиты горят синим пламенем...

До конца рабочего дня мы наподписывали тонны каких-то бумаг, а к вечеру переехали в столицу. На следующий день мы опять продолжили чего-то подписывать.

После того как все было закончено, президент компании поинтересовался, в каком ресторане г-н Zasulia, хотел бы сегодня вечером отпраздновать столь плодотворную работу.

– Только в русском. Я их лягушек и улиток с тараканами жрать не намерен, – ответил приемщик инженер Засуля. – Короче, в «Максиме», в нашем. Где магнитофон, едренить?

Объяснять, что «Chez Maxim's» никогда не был русским рестораном, мне было лень, и мы договорились, что я заеду за Петром в его гостиницу на бульваре Распай около шести часов вечера.

Вечнозеленый в своем пожилом крючкотворном свитере, Петр встретил меня холодным гневом:

– Обманули, суки! Нет магнитофона. Но ничего. Я им в ресторане сейчас дам просрать. Я весьма реалистично представил себе эту картину, и мы поехали на rue Royal.

Президента компании в «Максиме» знали очень хорошо. Для нас был заказан большой стол: Хозяин с супругой, два главных заместителя, банкир, финансировавший сделку, со спутницей под видом племянницы и мы с Петей.

Приемщик был очень расстроен капиталистической подлостью и действительно решил отомстить за бесплатную продажу Родины. Пальцевый выбор отмщения прошастал по правой колонке меню с ценами и остановился на «Омаре в шампанском с легким дождем из черной иранской икры». Что эта галиматья обозначает по-русски клиент не знал, но дороже на этой странице ничего не было. На закуску, по этой же системе, была выбрана гусиная печенка «Перегор», чуть тронутая горящим «Куантро», в «кровати» из тонко нарезанных фиг, маринованных шефом в «Кальвадосе» 1964 года.

По требованию инженера все это сопровождалось заказом трехсот граммов коньяка «Наполеон» и пива. В ресторане были только хорошие коньяки, поэтому мы остановились на сложной марке французского национального продукта под названием «Пусть козлы принесут самый зашибец типа нашего “Белого Аиста”».

– Мог бы и пол-литра заказать, – шепнул заговорщически Петя, – но они сразу подохнут от жадности. Лучше закажу два по триста. А потом еще.

Жена президента, холеная шатенка с голубыми глазами и сумасшедшей фигурой, 30–50 лет, заметила мне с очаровательной улыбкой:

– А он очень симпатичный, ваш месье СоветИк...

Президент в ожидании еды рассказывал про поместье с замком, которое они с супругой получили наконец по наследству, и о том, как дорого стоит поддерживать Шато шестнадцатого века, поскольку оно стоит на реке Луаре. Также он говорил, как не хочется разрешать местным жителям охотиться в частных угодьях, но ничего не поделаешь: недавно президент страны Жискар д'Эстен принял на этот счет какой-то идиотский закон. А в хорошую погоду на реке можно ловить рыбу большой компанией.

К концу рассказа про Луару «сранный жирный паштет с вонючим инжиром» был съеден, триста коньяка тоже ушли за горизонт, а свежие триста еще не прибыли.

Вот тут-то и прозвучал уточняющий вопрос от русского приемщика «а про Шато на реке Луаре»:

– Александр! Спроси у этого мудака, он ловит на мормышку?

Слово «мормышка» переводу из моего словарного запаса не поддавалось, и я слегка напрягся.

– Что говорит г-н Пьер? – заинтересовались французы.

Оценив обстановку, я пошел своим переводческим путем, предложив новую трактовку услышанного:

– Советский специалист хочет пива, – сообщил я собравшимся.

Пиво появилось на столе через мгновение.

Петя чуть удивленно посмотрел на выполненный незаказанный заказ, влил бокал пивка залпом, засосал коньяком со словами: «Градус надо повышать», – вытер рот, выдохнул и снова повторил:

– Так все-таки узнай у этого мудака, он ловит на мормышку?

Услышав уже знакомое звукосочетание «мормышка», французы хором затребовали у стоявшего рядом официанта:

– Пиво! Пиво! Еще пива для господина советского инженера!

Мормышка за общим галльским движением вокруг стола начала потихоньку забываться.

Однако я обратил внимание, что за нами пристально наблюдают в шесть глаз два вышколенных официанта и *maitre d'hôtel*.

Петр Алексеевич почти не ел, еду скорее портил и расковыривал, очевидно, чтоб не перепродали на другой стол, а в перерывах между глотками пива и коньяка покуривал привезенную из СССР «Приму». Клодет, очаровательная супруга президента, назвала «Приму» русским «Житаном» и даже затянулась один раз кровавыми губами гильотины рта. После этого до десерта она не дотянула... Петя же курил одну сигарету за другой.

И вот тут-то я и понял, на что смотрит максимовская обслуга. Миниатюрные пепельницы в виде изящной гнутой лодочки в стиле ар-нуво с золотистой буквой «М» внутри исчезали со стола как молодость: незаметно, но быстро. Также я обратил внимание, что за время ужина любитель омаров как-то распух «в грудях и ближе к тазу», и что отечественный пиджак соседа при малейшем шевелении издавал приглушенные материей квакающие звуки совокупляющейся между собой посуды. Движения игроков происходили в следующем порядке: Петр закуривал. Официант ставил пепельницу. Петр стряхивал туда пепел. Пепельница исчезала. Официант опять ставил пепельницу. Петр тушил сигарету. Официант заменял пепельницу с окурком на чистую. Пепельница исчезала. Пиджак вздрагивал. Петр закуривал. И все сначала.

Настало время прощаться. В дверях молодая старушка (бывшая «мисс Франс», между прочим) элегантно преподнесла советскому гостю «*Chez Maxim's*», коробочку с двенадцатью пепельницами из ресторана Пьера Кардена. *Petit souvenir*, так сказать.

На улице камарад Засуля ехать на машине до гостиницы отказался начисто, пробурчав под нос что-то типа: «Чтобы ты и твои козлы мой магнитофон себе в гробешник забрали, уроды косонобые». Я перевел, что месье благодарит господ за незабываемый вечер, но особенно, конечно, – прекрасную мадам Клодет. Супруга хозяина тут же пригласила нас провести уик-энд у них в поместье и порыбачить на прекрасной Луаре. Козлы расшаркались с благодарностью к месье инженеру за проведенное время и чудную компанию. Наш человек смотрел на французов через легкую дымку съеденных шестисот граммов коньяка «Делама» особой выдержки. Вся гамма чувств, продиктованная практически украденным «Акаем», была написана на челе Петра.

Два русскоговорящих человека двинулись по *place de la Concorde* в сторону Национальной ассамблеи, слегка громыхая скоммуниженным фарфором. Неожиданно Петя остановился как вкопанный и со стоном сказал: «Все. Писец. Я больше так не могу», – вытащил из-под

зеленого свитера блюдо «Максим» величиной со средних размеров кофейный столик. Как и когда блюдо попало в штаны и под свитер магнитофонолишенца, осталось для меня загадкой.

Мы шли по вечернему Парижу и трепались о том о сем. Я больше это занудство слушать не мог и лично пообещал перед отъездом на рыбалку купить идиотский стоячий «Akai» с бобинами, только чтоб он отстал и не компостировал мне мозг. После французского гнусного накола инженер и на меня посматривал с сомнением и от имени всей газовой отрасли тяжело материл французов, уходя в исторический экскурс негостеприимной страны. Мы подошли к отелю, и Петя предложил подняться в номер и «охреначить» на двоих мини-бар в отместку врагам за Бородино и пожар Москвы. Так как тяжеленное блюдо пришлось тащить под причитания: «Осторожно давай, очкарик фигов, блюдо дорогое», – я согласился на временный отдых. Консьерж, выдавая ключ, сообщил, что господину Засуле произведена доставка неких пакетов, которые были незамедлительно подняты в номер гостя. Мы ждали копии подшитой и подписаной документации и поэтому спокойно отправились наверх.

Открыв дверь, инженер сразу обмяк как после интима и застыл в состоянии похожем на схваченный льдами ледокол «Челюскин». Весь номер был заставлен картонными коробками. Чего здесь только не было: пресловутый «Akai» и кассетники, телевизор «Sony» и кинокамера с фотоаппаратом. Создавалось впечатление, что НЕКТО зашел в магазин и купил все, что там было по одной штуке. *En toute simplicité*. Для простаты. С ударением на последней букве. Хотя можно и на втором слоге...

– Возьмут за жопу прямо в Шереметьеве, при выходе из самолета, на трапе... – придя наконец в себя, пробуровил воздух советский инженер. – А если я повезу только это, это и еще вот те две коробки?

Я согласился.

– Нет. Надо взять еще кассетник «Sony».

Я опять согласился.

– А может, взять еще маленький телик и, когда возьмут за жопу, отдать им, чтоб заткнулись?

Мое согласие становилось навязчивым.

Петр ходил вокруг коробок, гладил картонки и потихоньку, но уже без всякой мести, доедал содержимое мини-бара.

Параллельно из головы приемщика пошел каскад мыслей и вопросов:

– Завтра с утра купим на Блошином рынке кожаную куртку мне и пальто Наташке. Потом, хрен с ним, поедem к придуркам на дачу, раз пошла такая пьянка. А коробки из номера не сопрут? Может, с собой взять к ним в деревню? А в машину влезут?

Наконец Засулю осенило:

– Послушай! Часть коробок я возьму с собой, остальное ты будешь досылать мне с okazji. Наши ребята часто ездить сейчас будут. А я с ними дома рассчитаюсь. У меня и для тебя будет кое-что за твои хлопоты... – и мило улыбнулся, достав из кармана два значка: «60 лет комсомолу» и октябратскую звездочку в пластиковом варианте.

Как ни было мне тяжело, от даров я все же отказался.

Замок хозяина концерна сошел, казалось, из сказки. Закругленные башни, ров, подвесной мост через него, река и великолепный сад. Хозяева собирали гобелены, картины и мебель XVI – XVII веков, так сказать, в соответствии с возрастом и стилем Шато.

– Жан-Мари срочно вызвали куда-то на юг, кажется в Тулузу, хотя я думаю, что он заночует в Антибах, – сказала супруга хозяина, наливая нам кофе. – Он часто бывает в отъезде по уик-эндам, – и совершенно потрясаяще улыбнулась небесно-голубыми глазами.

Она была элегантна и необыкновенно хороша своим французским бабьим летом и точно знала это. Типичная ЖОПЭ – аббревиатура французских слов, подчеркивающих элегантность в возрасте и положении хозяйки – Жемчужное Ожерелье Платок Эрмес. Сокращенно ЖОПЭ.

Горничная принесла нам пирожные. Она была ничего, хоть и на двадцать лет моложе.

Зеленый свитер сграбастал чашку кофе, но я сразу предупредил, что за серебряным подносом слежу в оба. Чашка презрительно вернулась на поднос.

Через какое-то время мадам предложила показать нам замок и коллекцию портретов знатных предков.

Я поймал взгляд горничной, говоривший, что мне идти не стоит, и отпустил Петра одного. Хозяйка опять улыбнулась, подарив нам кусочек солнца, и сказала, что с удовольствием будет изучать во время экскурсии русский язык. Или преподавать французский.

Я весело болтал на террасе со служанкой, наслаждаясь не испоганенным революцией видом, пока не обратил внимание, что Петр уже часа два что-то осматривает без переводчика. Горничная Жаклин моих опасений совершенно не разделяла, объяснив, что для Шато это в порядке вещей. У хозяина с некоторых пор своя личная жизнь. Еще пару месяцев назад он был увлечен водителем Жаном Франсуа, а теперь у него новый друг – хозяин ночного клуба в Антибах. А до них был пилот личного самолета, красавец швед. Поэтому то, что «месье Советик» осматривает замок, абсолютно нормально. Он еще ночью наверняка пойдет рыбачить... Вчера по возвращении из Парижа мадам сказала, что на завтра пригласила русского инженера, и он очень «шарман»... Тут-то хозяин и заторопился по делам в Тулузу...

Еще через час в гостиную вернулся один товарищ Засуля. Я сидел на диване Luis XIII и с интересом смотрел на явление Петра сизым гобеленам.

Петр встал посредине огромного зала, застегнул пиджак на любимом свитере на все пуговицы, одернул по-офицерски фалды и, глядя сквозь меня, отчеканил твердым голосом: «Вот так мы воевали!»

От смеха я сполз с луевого дивана на пол...

...Прошло очень много лет. Мой клиент попросил заехать к нему на Рублевку и завезти документы. Огромный дом потрясал обилием картин в золотых рамах и всякой другой безвкусицы. Для дочки хозяина надо было срочно подготовить брачный контракт. Хозяин дома, высокопоставленный чиновник, закурил, читая привезенные мной бумаги. Я обратил внимание на пять или шесть коцанных пепельниц знакомой формы на огромном обеденном столе. Буквы «М» в середине видно не было, но настораживало обилие знакомых лодочек в потертom состоянии. Фамилия чиновника была совсем не Засуля, но я все-таки поинтересовался, откуда в этом доме памятные мне вещицы.

– Тесть когда-то из Парижа привез, – ответил, не отрываясь от бумаг, хозяин. – Он до недавнего времени был очень большой шишкой в «Газпроме». Месяца два как на пенсию вышел. Кстати, этот дом он нам и подарил лет десять назад. А что?

– Ничего особенного, – сказал я. – Просто передайте, что у меня для него есть магнитофон «Akai». Стоячий. С бобинами. Он поймет.

Поселок старых большевиков

Дочь увлеченно доедала тортик. Воскресенье – папин день.

– Пап! Ты пойдешь голосовать на выборах?

– Да, конечно. Это мой гражданский долг. Как супружеский: в смысле тоже необязательный и удовольствие сомнительное, но для здоровья второй половины полезен.

– Раз в шесть лет?

– Адриана! Как тебе не стыдно так отца... Ты о чем? Разница в возрасте у тебя со старшей сестрой пять лет. Понятно? Ты считаешь, что я в свое время зачастил?

– Пап! А ты когда-нибудь увлекался политикой?

– Ммм... Как тебе сказать... Очень опосредованно.

– Расскажи. Я обожаю твои рассказы. Я должна позвонить, а ты пока вспомни что-нибудь.

Рассказать? Не уверен, что стоит. Это было очень давно и для современной молодежи не очень понятно, а поэтому неинтересно. А вот тогда это было действительно увлекательно.

...Шла вторая неделя моего пребывания в Париже, и я уже облюбовал себе несколько мест, в которых можно спокойно сидеть с одной чашкой кофе весь день и не ловить на себе злобные взгляды официантов. В молодежном районе неподалеку от Сорбонны к этому привыкли. После детального изучения меню я пришел к нескольким важным выводам. Кофе – самый дешевый напиток из всех, поэтому брать надо только его. С другой стороны, за ним долго не высидишь. Пару дней назад в дикую летнюю жару, когда только от вида горячего эспрессо сразу тошнило, оказалось, что существует еще такой напиток как «еврейский coffee frappe для бедных». Это было личное изобретение двадцатилетнего иммигранта и его гордость с той поры и до сегодняшнего дня. У гарсонов, которых, как выяснилось, никто так уже лет тридцать к тому времени не называл, заказывается стакан со льдом (бесплатно) и кофе (можно с молоком, но это дороже). В стакан со льдом переливается кофе, который мгновенно остывает, и дальше за этим шедевром безденежной мысли можно сидеть целый день. У шизеющего от такой наглости официанта можно попросить еще сосательную соломинку.

Посиделки в парижском кафе всегда были моим особым развлечением. Созерцать спущенную и беззаботную молодежь, эфемерно считая себя частью великого города, – это ли не счастье для только что уехавшего из Советского Союза бывшего вгиковца? Вокруг меня двигалась, жила и любила бесшабашная середина семидесятых. Я был страшно молод, одинок, но все равно безумно счастлив.

Этот день поначалу никак не отличался от предыдущих, да и с чего бы? Так вот, закончив обряд переливания и подобрав забытую кем-то за соседним столиком газету (покупать новую денег было жалко), я закурил любимые Gitanes и пока за чтением новостей отложил незапрещенного во Франции Солженицына, толстую и на редкость скучную книгу. Загорать на солнце было значительно веселее.

– Ты русский? – услышал я вопрос с левого бока и увидел палец указывающий на книгу.

«За русского ответишь», – подумал я, но вслух произнес:

– Из Советского Союза. Приехал пару недель назад. Свежачок, так сказать.

На меня с интересом смотрели четыре молодых парня.

– Извини, что мы пристаем: ты диссидент?

– Это из-за очков? – ответил я вопросом на вопрос, как учили в Одессе.

Молодые люди с одесскими традициями были не знакомы и поэтому поняли, что я не диссидент.

– На агента КГБ ты не тянешь по возрасту, – добавил кучерявый.

Я молча согласился. Мне было интересно, доберемся ли мы с версиями до сбежавшего в Париж танцора Большого театра или застрянем где-то на полпути.

– Если ты не диссидент и не агент КГБ, значит, ты коммунист...

Железная логика. Если учесть, что три месяца назад меня выгнали из комсомола, как только я подал документы на ПМЖ к маме в Париж, то слиться в коитусе с какой-нибудь коммунистической партией шансов не было никаких. Ни у партии, ни у меня.

– ...и это здорово, что ты серьезный коммунист, которого прислали во Францию. Мы все студенты, и все левые. Это судьба, comrade!

Левые студенты начали дырявить мне сознание, как несправедлив мир во Франции, и как должно быть хорошо в СССР, где все равны, и все бесплатно, включая «бухло и дурь». Я послушал их в одну шестую уха еще какое-то время, одновременно наблюдая за прохожими в мини-юбках, как вдруг до меня долетел обрывок фразы:

– ...так ты согласен?

– Я что-то пропустил. Давайте еще раз.

– Ты чего? Не придешь? Мы тебя очень просим! Послушай, сегодня у нас в центральном зале на Odeon будет диспут между маоистами и троцкистами. Соберется много народа, человек триста, наверное. По сто с лишним с каждой стороны. Ты как коммунист должен нас рассудить.

«Я?! Я буду арбитром у этих баранов? – пронеслось в голове. – Если учесть, что после того как меня турнули из комсомола за французскую маму, и тут же мерзейшая преподавательница “Научного коммунизма” с чудовищным именным словосочетанием “Валентина Ивановна Шаббат” вкатила на ближайшей сессии двойку от страха к моей поездке, то руководить диспутом маоистов и троцкистов – для меня самое то что надо. А с другой стороны – почему нет? Когда я еще увижу такое количество сумасшедших?»

Революционеры оказались довольно молодыми и буйными ребятами, что было особенно удивительно в такую жару. За диким ором и криками нельзя было разобрать ничего. Каждый раз через пару минут после начала выступления очередного мао-троцкиста возникал настоящий гвалт. Кто, зачем и кому кричал – не представлялось никакой возможности понять. Собственно, мне было все равно, и я, естественно, никого не слушал, наблюдая с прирожденным любопытством за людьми и происходящим вокруг. Наконец, часа через два, когда от жары все уже плавали в собственном соку, на эту же замызганную трибуну залез мой утренний знакомый кучерявый придурок: «Слушайте меня! Мы с друзьями приготовили вам сюрприз. Прямо из Советского Союза к нам прилетел известный деятель тамошней коммунистической партии Александр. Попросим его подытожить наш диспут и поделиться своими знаниями и опытом классовой борьбы!»

Гром аплодисментов. Все встали и запели «Марсельезу». Меня качнуло в аут. Довольно бодро допев, зал притих в ожидании ленинского выступления Саши Добровинского. «Картавить без пальто и кепки будет как-то уж чересчур. Но некую ахинею с леворадикальным уклоном все-таки придется выдать революционным массам, раз я попал в такую ситуацию», – решил я и мужественно взошел на трибуну.

– Товарищи! По поручению моих соратников – боевиков-подпольщиков ВГИКа, Дома кино и «Мосфильма» разрешите мне поприветствовать французских братьев!

Шквал аплодисментов. Попытка запеть «Марсельезу» еще раз. Я поднимаю руку. Мгновенное и трепетное успокоение: чувствуется – говорит лидер.

– Сегодня утром я подобрал в кафе сраную буржуазную газету Le Figaro. Подобрал, потому что нашим принципам противоречит тратить деньги на обогащение капиталистов, а знать своих врагов надо.

Шквал аплодисментов. Возгласы «Смерть буржуазии!» Поднятая рука. Тишина в павильоне, в смысле в зале.

– Так вот там я прочел, что восемьдесят процентов всех денег и богатств Франции сосредоточено в руках десяти процентов негодяев – граждан вашей страны. И я спросил себя: «Хочу ли я быть таким негодяем?» И без колебания ответил: «Да, очень хочу!» В смысле я хотел сказать: «Мы все должны быть в этих десяти процентах, которые должны стать ста процентами! По-другому, как сказал бы товарищ Мао, это будет не кошер».

Овации. Крики «Правильно! Смерть буржуазии! Да здравствует Троцкий! Да здравствует Мао!» Кто-то наверху получил в харю. Легкая заваруха. Хотелось досмотреть, но пришлось поднять руку.

– Однако жажда революции просачивается, друзья! Просачивается тихонько, но везде. Даже в кино, важнейшее из искусств. Так, например, недавно на экраны вышел фильм «Эммануэль». Кто не смотрел – советую. Там загнанная капиталистическими предрассудками революционно настроенная девушка-активистка, одна, брошенная всеми, борется как может за свободу личности. Да, мы понимаем, что она пытается и так и эдак, но в конце концов явно плохо кончит. И мы сочувствуем такому революционному движению, с большим интересом наблюдая за ее борьбой. Я вам честно скажу: после фильма просто заснуть не мог – так сочувствовал. Даже ночью встал и, как последний шлимазл [“неудачник”, идиш], пошел искать по Парижу тех, кто бы меня понял и посочувствовал. Но далеко еще население вашей страны от понимания революционной обстановки, даже на уровне уличного пролетариата. В капиталистическом мире человек человеку волк. В два часа ночи бесплатно сочувствовать никто не хотел. За быстрое понимание и сочувствие просили минимум сто франков! Я, конечно, расстроился. Пришлось вернуться домой, взять себя в руки, и в одиночестве успокоиться от такой вопиющей несправедливости.

Поддерживающие возгласы и стоны.

– Но я верю, друзья, что вы в конце концов тут все развалите! Надо только постараться, а это нетрудно. И будет у вас так же, как у нас в Советском Союзе. И все будут на зарплате. И выгнать с работы никого нельзя будет, то есть государство будет делать вид, что вам платит, а вы будете делать вид, что работаете. А бухло и дурь будут бесплатно раздаваться с утра в ЖЭКах.

Гром аплодисментов. Крики «Да здравствует свобода! Да здравствует друг Троцкого и Мао Товарищ Александр!»

– И те, которые ночью требовали с меня сто франков, еще у меня за «бесплатняк» отс... отс... отс... тупятся, в общем, от своего капиталистического мышления. Как завещал великий Троцкий: «Без труда не выловишь и фаршированную рыбку из Луары. Несмотря на наличие рядом замка XVIII века!» А раввин Мао говорит две мудрые вещи. Я вам сейчас переведу эти цитаты с мандаринского, стараясь сохранить стилистику высказываний великого кормчего. Первая: «Когда делать нечего – берутся за великие дела». И вторая напоследок, перед тем как нам попрощаться, дорогие товарищи: «Через три дня рыба и гость начинают плохо пахнуть. Даже если рыба дорогая, а гость – ребе!». Я пошел. Короче, за вашу победу! Троцкий жил, Троцкий жив, Троцкий будет жить! А Мао – вообще говно вопрос – молодой пацан еще! Он еще вас похоронит. Лехаим!

Аудитория вопила и рвалась на баррикады. Я раздавал автографы на брошюрах цитатников Мао Дзедуна, когда подошла она и сразу утопила меня в своих голубых глазах. Из-под обтягивающей потное тело белой майки торчала одна заманчиво упругая неодетая маленькая девичья грудь. Вторую придавил широкий ремень висящей на боку сумки. В руках она держала книгу воспоминаний товарища Троцкого на родном для нее французском языке.

– Camarade Alexandre...

– Я согласен! – тут же выпалил я, и мы оба засмеялись.

Через две недели ее Austin Mini вез нас на каникулы в Сен-Тропе. Мы остановились в доме у ее приятельницы в маленьком городке Гримо. К нам в окна свешивалась ветка с апель-

синами. Или яблоками. Сейчас уже не помню. Она готовилась к пересдаче экзамена, а я должен был читать для нее Ленина с Марксом и пересказывать по главам, лежа в постели. Обычно до конца главы мы так и не добирались. Все то, что я не читал в институте в Москве, я прочел в это лето на террасе дома, приютившего двух влюбленных. Дня через три после приезда на Лазурный берег она мне сказала: «Мы же не будем ходить на всякие буржуазные пляжи за безумные деньги, которых, кстати, у нас нет?» Так первый раз я попал на нудистский дикий пляж. «Сними плавки, на тебя все смотрят. Мне стыдно», – прошептала она, чуть касаясь языком и дыханием моего уха так, что снимать плавки мне уже было стыдно вдвойне. Бывший комсомолец с участью смирился и, недолго думая, все снял. Любовь требует жертв. Кстати, с тех пор я нудист.

Иногда мы спускались в Сен-Тропе и в кафе Senequier брали один холодный шоколад на двоих и подолгу целовали прохладные сладкие губы друг друга. Вернувшись в сентябре в Париж, мы сняли маленькую студенческую квартиру на бульваре Saint-Germain. Еще через год она поняла, что из меня Че Гевара, как из осла горнолыжник, и ушла. Чуть позже, уже в статусе моей бывшей, она возглавила ячейку социалистов где-то в провинции, и мы потерялись. Много десятков лет спустя, когда знакомые глаза стали мелькать в журналах и газетах, я написал ей письмо: «Привет! Рад был видеть твоё фото в СМИ, если ты ещё меня помнишь. Тот альбом с фотографиями с пляжа до сих пор у меня, и я его никому не показываю. Не беспокойся. Даже взрослые дети не видели. Им до тридцати рано такое знать. Пусть сначала замуж выйдут». В ответном письме фраза: «Как ты мог подумать, что я забыла своего первого русского?» Заинтриговала. В ближайшей поездке в Париж я уже не мог ей не позвонить.

Мы встретились в Laduree на Rue Royale. Более буржуазного места трудно себе придумать, но кафе предложила она, и я не стал возражать. Шляпа, большие солнечные очки, чтоб не узнали на улице, крупный бриллиант на пальце, шелковый Hermes на шее и четверо детей от кучерявого придурка из нашей прошлой жизни. Добавьте еще килограммов десять к той нашей поездке в Сен-Тропе – короче, типичный вид левого кандидата в президенты страны. Официантка поставила на стол мои любимые ванильные макарончики, потрясающие тосты с сиропом и пообещала еще принести чай. Удивительное дело: французы делают хорошие самолеты и плохие автомобили, играют в футбол и катаются на лыжах и вообще уверены, что у них большая индустриальная держава, а в голове у большинства они ассоциируются только с тряпками, вкусной едой и сексом. Понятно, что и первое, и второе нужны для третьего, но все-таки у них же есть еще кое-что. Например, Лазурный берег и красивые исторические гостиницы с отвратительным обслуживанием. Хотя это тоже связано с третьим пунктом. Вот и Laduree расплодился по всему миру. В Москве уже два.

– Мне нужно твоё мнение. Мы давно не виделись, и я хотела бы услышать твоё мнение.

– Ты обходишь всех своих бывших любовников? Из расчета две встречи в день ты не уложишься не только до этих выборов, но даже и до следующих. Сделай репрезентативную группу романов длительностью более двух недель – и численность встреч сократится вдвое. За пару лет управишься?

– Ты всегда был далек от политики, но аналитик ты от Бога. Пару советов дашь?

– Ну ты же мне давала... Сколько тебе было лет, когда ты и я, вернее, ты меня?..

– Девятнадцать. Почти. Хорошо, что напомнил. Таким образом, ты меня знаешь много лет. У меня есть шанс на выборах?

– У тебя сумасшедший шанс. Ты даже не представляешь какой. Огромный. Шанс обкаяться. Хотя ты знаешь: где я и где политика? У нас разные ресурсы, так что моё мнение не в счет.

– Ты думаешь, страна не готова иметь бабу-президента?

– Нет, конечно. Иметь бабу-президента, может, многие и согласились бы, но иметь президентом телку? Рановато.

– Перестань ерничать. Почему ты так считаешь?

– Потому что любой мужик представляет себе картину, как вечером ты возвращаешься домой (ты же хоть и президент, но спать где-то должна?), готовишь мужу пожарь, он в это время подходит к тебе сзади, протягивает руки у тебя под мышками, берет тебя за то место, которое у всех называется грудью, а у тебя – насмешкой, и говорит: «Слышь, завтра этой козе немецкой позвони, пусть на “Октоберфест” достанет пару хороших билетов». Не пойдет. Кроме того, у тебя сильный противник, бывший министр МВД, между прочим, и через месяц тебе со скандалом нарисуют любовника-водителя одновременно с охранником.

– Ты за мной следишь? Откуда ты все знаешь?

– Не говори, что я угадал.

– И моя программа народу до одного места?

– Я бы сказал, даже до двух. В одном месте предлог «до», в другом – «по». Уточнить? Ты хотела от меня нейтральный новый взгляд? Получи.

– Ты злой. Это потому, что я тебя тогда бросила? Я была в твоей жизни единственной женщиной, которая тебя бросила?

– Нет. Была еще одна. Я ее любил намного больше тебя и совершенно по-другому. Даже не сравнить. Как ты рвешься к власти, так ты скоро с ней увидишься. Прямо я вижу вашу скорую встречу.

– Кто это?

– Мама. Она умерла несколько лет назад. Вот она меня действительно бросила.

Принесли чай и счет. Унесли тарелки. Я заказал еще кофе. Унесли счет. Добавили кофе и принесли снова счет.

Мы поболтали еще полчаса, договорились о встрече и распрощались.

Через несколько месяцев она прошла во второй тур. Но не дальше. После выборов кучерявый ушел к другой, потом от другой еще к одной. Затем сам стал президентом. Политика – непростая штука. Хорошо, что меня там нет, и я не кучерявый. Партия социалистов почти полностью развалилась. Была ли она тому виной – трудно сказать. Мы иногда видимся, но я не задаю лишних вопросов. Зачем?

– Папа, ты надумал что-то про политику?

– Ты не поверишь. У меня был когда-то роман с кандидаткой в президенты страны.

– Паап! Я в шоке. Была о тебе лучшего мнения. Как ты мог? Вот с этой?!

– Да не с этой, ты что, с ума сошла?

– Уф. А то я уже подумала... Зная тебя и ее.

– Нет, нет. Это было даже не в России. И той политической авантюры мне хватило на всю жизнь. Пойдем в кино?

Посмотри на эти звезды

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.